

Россинская Светлана Владимировна, заведующая библиотекой «Фолиант» МУК «Тольяттинская библиотечная корпорация» e-mail: rossinskiye@gmail.com

Разочарования Чарлза Диккенса

(Литературное расследование в библиотеке «Фолиант» МУК ТБК к 7.02.2012 - 200-летию со дня рождения английского писателя (1812-1870))

Как так получилось, что Чарлз Диккенс в детстве для того, чтобы прокормиться, вынужден был работать на фабрике ваксы, за шесть шиллингов в неделю наклеивая на баночки этикетки? Почему при двух живых родителях 12-тилетний мальчик жил в казенном пансионе?

Какую роль сыграли в жизни Диккенса **Мария Биднел** и **Эллен Тернан, Мери и Джорджина Хогарт**?

Почему самый популярный и богатый писатель Англии, имевший жену и десять детей, был несчастен? Какая тоска съедала его душу? О чем он мечтал?

Почему от него ушла жена **Кэтрин Хогарт**, тихая, безропотная женщина? Развод по тем временам был невозможен, но юридически оформить раздельное проживание супругов и их финансовые взаимоотношения было вполне реально. По какой причине жена Диккенса пошла на это после двадцати двух лет совместной жизни?

Больше всего на свете Диккенс ненавидел сплетни. Зачем же он разлад в семье сознательно сделал их предметом, опубликовав подробный отчет о собственных проблемах на страницах возглавляемого им журнала «Домашнее чтение»?

Почему дети после разъезда родителей не отваживались встречаться с матерью? Почему писатель безжалостно продал Тэвисток-хауз, в котором некогда так весело справляла рождественские праздники их большая и шумная семья?

Зачем он, спустя два года после расставания с женой, сжег всю их переписку? Отчего совершал непоправимые шаги и в последние годы жизни одну за другой рвал нити, привязывавшие его к прошлому?

Попробуем вместе с читателями библиотеки «Фолиант» МУК ТБК, активистами ее литературного клуба «Прикосновение», ответить на все эти вопросы, проведя небольшое *литературное расследование «Чарлз Диккенс: Тяжелые времена»*.

Думается, что в ходе мероприятия, которое состоится **2 февраля 2012**, нам всем удастся немного больше прикоснуться к жизни и творчеству великого писателя.

Итак...

Мечты о счастливом детстве

Ни о чем **Чарлз Диккенс**, всемирно известный английский прозаик, автор множества романов, так не мечтал в детстве, как о надежном, уютном, обеспеченном доме. Где бы у кухарки всегда был туго накрахмаленный полосатый фартук, а у горничной - аккуратный чепец с оборками. Где никогда не пили бы чай из выщербленных чашек, и у каждого из детей был бы отличный воскресный костюмчик, аккуратно висящий на плечиках в шкафу.

В его собственном детстве дома сменялись, как картинки в волшебном фонаре: родившись в Портсмуте, он в два года попал в Лондон, куда его отца, мелкого чиновника морского министерства, перевели на службу. Через три года семейство отправилось в Чатем, а спустя еще несколько лет - снова вернулось в Лондон.

Ни мистер **Джон Диккенс**, ни его жена **Элизабет** нисколько не заботились о том, как будет устроен их очередной дом и хватит ли в нем спален для многочисленных детей. Чарли помнит, как однажды они всей семьей вместе с квартирантом и девчонкой-служанкой, взятой из чатемского работного дома, несколько месяцев ютились в четырех крошечных комнатах.

Когда дела налаживались, родители немедленно снимали какой-нибудь милый особнячок, в котором, впрочем, тоже не устраивались основательно, все время ожидая

очередного вынужденного переезда. Джон Диккенс, веселый и добрый малый, из долгов не вылезал, в их семье вообще не было принято строить долгосрочные планы.

Так продолжалось до той поры, пока в 1824 году долги Джона не заставили Элизабет с малышами перебраться в казенную квартиру, становившуюся в те времена прибежищем многих беспечных граждан, похожих на чету Диккенс. Диккенса-старшего посадили в долговую тюрьму Маршалси.

Едва не утонув...

Самого Чарли - ему в ту зиму минуло двенадцать - ждала каморка в пансионе старой миссис **Ройленс**, где жили такие же, как он, мальчишки - недоростки, до которых не было дела их родне. А еще его ждала фабрика ваксы неподалеку от Хангерфордского рынка, где он, чтобы прокормиться, наклеивал этикетки на баночки за шесть шиллингов в неделю.

Не изжитое с годами отчаяние всякий раз охватывало Чарльза Диккенса, стоило ему только вспомнить бесконечно длинную дорогу, что пролегала от пансиона до фабрики. Дорога шла по грязным переулкам, пустырям, продуваемым всеми ветрами, и гнилым мосткам, переброшенным через сточные канавы.

Сколько раз потом он описывал в своих романах эту дорогу в никуда, которой пробираются по жизни одинокие и всеми забытые дети: Оливер, Дэвид, Нелл! Никто и нигде не ждал его в те времена, никто, даже мать с отцом, которых он навещал по воскресеньям, ни разу не спросили, что он ест, и не промокают ли его ботинки...

Ужасное существование продолжалось несколько месяцев, до тех пор, пока смерть бабушки, матери непутевого Джона Диккенса, не обернулась для семейства небольшим наследством, позволившем отцу Чарли расплатиться с долгами. Семья воссоединилась под общим кровом, и Джон Диккенс на радостях даже настоял на том, чтобы вновь отдать сына в школу.

Но было уже поздно - прежнего Чарли, мягкого беззаботного мальчугана, больше не было. Как человек, который, едва не утонув, выбирается на берег с твердым намерением непременно научиться плавать, так и Чарльз, чудом избавившийся от отвратительного запаха ваксы, которым он, казалось, пропах на всю оставшуюся жизнь, дал себе слово, что никогда больше не вернется в те времена...

Никому, даже ближайшим друзьям, он не рассказывал о тех унижительных и бесприютных месяцах своего детства. Просто, сцепив зубы, карабкался наверх, экономя каждое пенни и просиживая ночи напролет за письменным столом.

В пятнадцать он стал клерком в суде, в шестнадцать наскреб денег на уроки стенографии и одолел ее, чтобы перейти работать в газету. В двадцать уже был парламентским репортером, в двадцать один напечатал свой первый художественный очерк. А спустя четыре года выпустил в свет вышедшие отдельным изданием *«Очерки Боза»* и начал работать над *«Пиквикским клубом»*.

Мария Биднел - первая любовь

Своей будущей жене **Кейт Хогарт** Чарльз Диккенс никогда не говорил, что не она была его первой любовью. Эта роль в жизни Диккенса выпала **Марии Биднел**, с которой он повстречался в семнадцать лет. Дочка банкира, манерная и легкомысленная, она с удовольствием развлекалась откровенным обожанием, которое дарил ей молодой Диккенс. Потом родители решили, что это развлечение, равно как и страсть, развившаяся в кавалере, грозят зайти слишком далеко, и Марию услали в Париж, а Чарльза отвадили от дома...

Он ждал, надеялся до тех пор, пока не увидел в глазах вернувшейся из-за моря возлюбленной свой приговор. Но даже, когда они расстались, эта злосчастная любовь будто ходила за ним по пятам, отравляя и без того нелегкую жизнь.

Угнетали вечные разъезды, во время которых Чарли, порой промокший и продрогший и почти всегда голодный, примостившись в полутемном углу почтовой кареты, при свете крошечного огарка строчил свои репортажи.

Родители, ничему не научившиеся на собственных ошибках, продолжали влезать во всяческие денежные авантюры, из которых их вынужден был вызволять старший сын, выплачивая отцовские долги из своих нелегких репортерских заработков...

Как хотелось ему в этих бесконечных странствиях и хлопотах прислониться к надежному, теплему плечу, плечу настоящего друга!

Он, несомненно, далеко пойдет...

- Очаровательный юноша! Очень молод, но чертовски талантлив. Он, несомненно, далеко пойдет...

Эти комплименты **Джордж Хогарт** расточал своему младшему коллеге, вместе с которым трудился в одной из вечерних лондонских газет. Молодой друг отца бросал пылкие взгляды на дочь Хогарта, двадцатилетнюю **Кейт**. Для родителей давно не было секретом, что и она не осталась равнодушна к этим взглядам.

Да разве нашлась бы девушка, которую **Чарлз Диккенс** мог оставить равнодушной? Он был чудо как хорош: большеглазый, подвижный, с вьющимися каштановыми волосами до самых плеч... И какой весельчак!

Семья Хогарт никогда не знала недостатка в талантливых и ярких гостях. Отец семейства был заметной фигурой на литературном небосклоне Эдинбурга, а позднее и Лондона, состоял в родстве с **Робертом Бернсом**, много лет дружил с сэром **Вальтером Скоттом**. В уютной гостиной дома Хогартов на окраине английской столицы перебивало немало журналистов, музыкантов, поэтов и художников.

Но даже на их фоне молодой Чарлз выглядел более, чем достойно. И от взгляда Кэтрин не укрылась учтивость, с которой знаменитые друзья отца спешили пожать ему руку. Многие из них уже прослышали, что этот юноша и есть - автор нашумевших сатирических очерков об английской жизни, которые вот уже несколько месяцев публиковала лондонская *«Ивнинг кроникл»*.

Случалось, Диккенс до упаду смешил собравшихся у Хогартов гостей, разыгрывая в лицах какую-нибудь сценку, подсмотренную им на лондонских улицах, или комментируя только что сданный в печать материал. При этом молодой человек был очень ответственным и пунктуальным. Мисс Хогарт иной раз даже пугала точность, с которой Диккенс, как черт из табакерки, возникал на пороге гостиной под торжественный бой часов.

Начиная с 1836 года, когда в печати небольшими выпусками, выходившими с продолжением, стали появляться написанные им *«Посмертные записки Пиквикского клуба»*, книги Диккенса расходились влет, едва оказавшись на прилавке: *«Оливер Твист»*, *«Лавка древностей»*, *«Домби и сын»*, *«Дэвид Коттерфилд»*, *«Холодный дом»*, *«Тяжелые времена»*, *«Крошка Доррит»*.

Юноша, которому когда-то платили в неделю пять гиней за очерки для лондонской вечерки, превратился в одного из богатейших британских прозаиков. К 1858 году, когда Диккенсу исполнилось 46 лет, в Англии не было писателя более популярного во всех слоях общества. Пожелай он завтра выпустить в свет за собственной подписью английский алфавит - и тот сметут с полок, как последнюю литературную новинку! Только что в этом толку?

Мечты сбываются? Или нет?

Спустя год после окончательного расставания с Марией Биднел Чарлз женился на **Кэтрин Хогарт**. Он не ждал от нее любви - был сыт ею по горло. С Кэтрин он связывал

последние надежды на то, на что он уже устал надеяться: искреннее участие и нежную заботу.

Кэти была единственной, кому он решился рассказать всю правду о фабрике ваксы. Целый час после этого рассказа она прорыдала у него на плече... Но на следующий день, когда Чарльз, с рассвета писавший очередную главу «Оливера Твиста», решил пообедать, он нашел полупьяную кухарку спящей, а жену - как ни в чем не бывало раскладывающей пасьянс на обеденном столе.

Внезапная жгучая досада на самого себя вдруг овладела Чарльзом. А чего он, собственно, ждал? Что избалованная, изнеженная девочка из богемной семьи разделит и оценит его бешеную жажду жизни, его страхи перед завтрашним днем, его страсть к успеху?

Да, всю жизнь Кейт послушно следовала за ним. Но делала это словно через силу. Пытаясь помочь ему с деловой перепиской, вечно путала адреса; выступая в спектаклях, подворачивала ноги и растягивала связки, а слушая главы из романов, которые он поначалу пытался ей читать, частенько дремала.

Когда в 1842 году ему захотелось отправиться в Америку, чтобы насладиться своим заокеанским успехом, Кэтрин чуть не месяц рыдала в подушку. Поплакав, она все же оставила четверых детей и дом и покорно собралась в дорогу. И ни разу не пожаловалась на тяготы пути. Но Чарльза во время их путешествия не оставляла мысль, что он повлек бедную овечку на заклятие.

Да, жена покорно рожала одного ребенка за другим, кормила, пеленала, ставила компрессы, если они болели. Но никогда не предавалась их забавам также самозабвенно, как предавался им он, не сочиняла сказки, не выбирала книги, когда дети учились читать. И этим до боли напоминала Чарльзу его собственную мать, от которой он так долго ждал чего-то большего, чем педантично-прохладное выполнение родительского долга.

Его жена была покладиста, как девочка-дошкольница, и никогда не поминала о вечерней ссоре на следующее утро. Может, было бы лучше, если бы она била посуду и швыряла ему в голову цветочные горшки? Так, во всяком случае, он смог бы убедиться, что не безразличен ей...

Но Кэтрин в ответ на его упреки всегда молчала, по-девчачьи поджав губы.

...Когда-то, еще мальчиком, гуляя с отцом в окрестностях Чатема, Чарльз увидел небольшой, но удивительно живописный дом, до самой крыши увитый зеленым плющом. «Если ты будешь послушным и станешь прилежно учиться, то когда-нибудь обязательно его купишь», - сказал отец, усмехнувшись его восторгу.

И все вышло именно так: Диккенс разбогател и однажды узнал, что постоянная сотрудница возглавляемого им журнала «Домашнее чтение» миссис Литтон продает тот самый особняк в Гэдсхилле, доставшийся ей в наследство. Чарльз немедленно купил его, принялся перестраивать, ремонтировать и приводить в порядок. Со всей присущей ему обстоятельностью продумывал место для каждой безделушки. Воодушевленный, возил туда жену...

Ему казалось, что когда их семья переселится в этот дом, пустота в душе, которую он в последнее время ощущал все чаще, исчезнет. И Кэтрин той весной едва ли не впервые в их жизни как будто тоже искренне радовалась вместе с ним. Они сообща прикидывали, как их младший сын **Эдвард**, которому тогда едва исполнилось четыре года, будет резвиться на лужайке, как Диккенс наконец-то заведет собаку - он мечтал об этом с детства.

Весной 1857 года дом его мечты был готов к новоселью, которое и состоялось в мае, в июне к ним приехал погостить **Ганс Андерсен** - его книги Диккенс обожал и давно жаждал заполнить сказочника к себе в гости...

Спектакли от Диккенса

К тому времени «спектакли от Диккенса» стали не менее популярны, чем его знаменитые романы.

Театр, как и литература, был его страстной привязанностью с детства. Однажды в молодости он, расхрабрившись, добился прослушивания в Ковент-Гардене, но в решающий день недолеченная в детстве болезнь почек уложила его в постель, и случай был упущен.

Впрочем, как только литературный труд стал приносить Чарльзу достаточно средств, он немедленно пустил часть из них на собственное хобби, начав ставить любительские спектакли. И те, кому случалось увидеть Диккенса на сцене, уже никогда не могли сказать с точностью, выиграло ли английское искусство в тот день, когда между театром и литературой он сделал выбор в пользу последней.

На представлениях, которые устраивал Чарльз, бывший одновременно и режиссером, и ведущим исполнителем, и администратором, бывала даже королева Виктория, не раз выражавшая свое искреннее восхищение его актерским талантом.

Часто вместе с отцом в постановках принимали участие и старшие дети - сын **Чарльз**, дочери **Мэйми** и **Кэт**, свояченица мисс Хогарт, а иногда и сама миссис Диккенс. Писатель даже организовал у себя дома, в роскошном особняке Тэвисток-хаус, маленький театр, достать билеты в который считалось среди театралов Лондона большой удачей.

Драму приятеля Диккенса **Уилки Коллинза** «*Замерзшая пучина*» поначалу тоже была опробована на домашней сцене в день рождения Чарли-младшего. Для себя Диккенс выбрал, как обычно, главную мужскую роль, а женские достались дочерям и сестре Кейт - **Джорджине**. Представление оказалось настолько удачным, что Диккенсу пришла в голову мысль отправиться с ним в турне.

Однако когда спектакль вышел с домашних подмостков на профессиональные, стало ясно, что дочери и Джорджина свои роли не потянут - их голоса не были поставлены для сцены. Между тем сам Чарльз, бравший некогда уроки декламации у **Роберта Кили**, вполне мог играть в профессиональной труппе. Тогда он обратился к актрисе театра «*Принсес*» миссис **Тернан**, которая имела трех прехорошеньких дочерей - **Фанни**, **Марию** и **Эллен**, тоже начинающих актрис.

Летом 1857-го года, репетируя для представления в Манчестере драму «*Замерзшая пучина*», сорокапятилетний Чарльз Диккенс познакомился с восемнадцатилетней актрисой **Эллен Тернан**. И вся его прежняя жизнь разбилась вдребезги...

Жизнь пополам

Уже осенью 1857 года мистер Диккенс распорядился установить книжные полки, отделявшие бывшую гардеробную, в которой он теперь спал, от их с Кэтрин супружеской спальни. Энн, их старая верная горничная, и виду не подавала, что удивлена или обеспокоена просьбой хозяина. Просто вызвала двух немногословных плотников, которые, стуча молотками, быстро и споро разделили пополам его жизнь.

Ему казалось, что, спрятавшись от жены за этими полками, он сумеет укрыться от собственных невеселых мыслей, разочарований, отчаяния и нерешительности. Он был уверен, что в этой келье, которую он в порыве нахлынувшей на него элегической любви соорудил себе в собственном доме, образ новой возлюбленной будет приходить к нему хотя бы по ночам.

К его удивлению, чуть ли не каждую ночь ему снилась Кэтрин, но не та, что по вечерам шаркала шлепанцами за белой дверью, а другая, которую он теперь почти и не помнил: тихая, ласковая, синеглазая девочка. С ней, как ему теперь казалось, так жестоко обманувшей его ожидания, он когда-то надеялся пройти вместе по жизни...

... Теперь Чарльз чувствовал себя в западне и должен был все обдумать, как следует.

Он достал из ящика маленького туалетного столика завернутый в папиросную бумагу портрет. Четкие, почти медальные черты, изящно вылепленный подбородок, вьющиеся волосы, высоко поднятые над чистым лбом... Как хотелось бы ему открыто поставить этот портрет на стол в своем рабочем кабинете!

Всякий раз, когда случалось видеть Эллен, ему казалось, что время чудесным образом отступает, груз прожитых лет, вечная изнурительная работа, волнения, доставляемые ему сонмом незадачливых родственников, которых он вынужден был опекать, собственное растущее семейство, нуждавшееся в его заботе, - все это как будто исчезает, и он снова молод, у него все впереди.

Чарлз не сразу понял, что влюблен. Ему казалось, что он просто любуется милой девушкой. На сцене они с Эллен почти не пересекались, партнершей Чарлза была ее сестра, в финальной сцене весьма натурально рыдавшая над своим умирающим возлюбленным, а Эллен в это время стояла за кулисами. Но всякий раз, когда Чарлз, удаляясь со сцены, проходил мимо нее, его обдавало каким-то неуловимым дуновением, похожим на порыв весеннего ветра.

Диккенс очнулся только тогда, когда после трех выступлений в Манчестере они вместе с Эллен, ее сестрой и матушкой вернулись на поезде в Лондон. И он вдруг понял, что не может без нее дышать...

Большие надежды

Сколько раз Чарлз Диккенс задавал себе вопрос: что же есть в Эллен такого, чего нет в Кэти? Он знал, что любой досужий сплетник, узнав о его любви, многозначительно ухмыльнется - так пошло, примитивно и однозначно все представлялось со стороны. Всем! Даже его собственным дочерям: стареющий писатель и молоденькая актриса.

И только он знал, что ждет от Эллен гораздо большего, чем простой телесной молодости, которой, к слову сказать, его всегда готовы были одарить десятки восторженных поклонниц от Лондона и Парижа до Нью-Йорка и Бостона.

Он ждал от Эллен обновления. Много лет он без меры отдавал свою жизнь всем тем, кто населяет теперь его книги, которые с таким восторгом читают тысячи людей. Много лет он щедро тратил силы души на домашних, заражая их своим весельем, оптимизмом, пылким темпераментом.

О, что он творил! Погрузив в почтовую карету все семейство, отправлялся в долгие упоительные путешествия по Европе, устраивал феерические домашние праздники по случаю любой, пусть и не слишком примечательной семейной даты, брал на себя все тревоги, совсем как в ту весну 1851 года, когда за две недели лишился отца и восьмимесячной дочери.

Кэтрин тогда поправляла в Молверне здоровье после тяжелых родов, Джорджина сопровождала ее, матушка, как обычно в решающий момент жизни, слегла с мигренью, а он, едва похоронив отца и уже сидя над гробом скоропостижно умершей дочки, думал только о том, как сообщить обо всем жене, чтобы ее не подкосило горе.

Кажется, именно в те дни он впервые почувствовал, что жар его души не бесконечен. И именно в этот период пристрастился к длительным прогулкам. Кэтрин всегда считала его прогулки сумасшествием. Ей самой даже путь из гостиной в столовую казался слишком длинным, а Чарлз мог отмахать за раз несколько десятков миль и стать после такого моциона только свежее.

Иногда он шел с такой скоростью, что ветер буквально свистел у него в ушах. Где он только не побывал во время своих прогулок! Его знаменитые описания лондонского дна, отличное знание провинции, деревенок и постоянных дворов - все это было результатом путешествий, которым Чарлз и в самом деле предавался с каким-то исступлением. Ему вполне под силу отшагать и тридцать миль...

Несколько последующих лет он метался по жизни, как корабль в поисках попутного ветра. Брался за новые замыслы и оставлял их, пускался в путешествия, которые скорее напоминали бегство...

Даже вступил зачем-то в глупую и пошлую переписку с неожиданно возникшей на горизонте Марией Биднел, назначал ей свидания, на которые, впрочем, не растерявшая предусмотрительности Мария явилась с дочерью. И так до той поры, пока за кулисами театра в Манчестере на него вдруг не повеяло весной...

Если бы только Эллен дала ему надежду! Он давно уже бросил бы все: опостылевший брак, порядком наскучившие литературные труды, Лондон, который он так любил когда-то и который теперь все чаще раздражал его своей суетой. Они могли бы организовать труппу, ездить с гастрольями по Англии, Америке, Канаде. За океаном давно наслышаны о его спектаклях и не раз приглашали...

Но мисс Тернан лишь вежливо принимала его покровительство, не двигаясь в своих чувствах дальше холодноватой, хотя как будто бы и искренней дружбы. И, негодуя на самого себя, он слал ей подарки, сладости, полушутливые-полулирические записки, надеясь на то, что рано или поздно добьется ее снисходительности, и одновременно боясь этого.

Скандал в благородном семействе

И вот однажды Кэтрин с поблекшим лицом, искаженным гримасой недоумения и детской обиды, пришла к нему в кабинет с браслетом, который он послал мисс Тернан, и потребовала объяснений.

Но что он может им всем объяснить: жене, детям, свояченице **Джорджине Хогарт**, уже давно ведущей в доме Диккенсов все хозяйство? Его показное негодование, которым он встретил вспышку супружеской ревности, не более, чем формальность. Как пустая формальность и то, в чем он с таким пылом убеждал Кэтрин.

Хотя это святая правда: несмотря на все ухаживания, которые он неуклюже маскировал под отеческое покровительство, Эллен Тернан и в самом деле до сих пор не стала его любовницей. Так что формально он чист. Но Кэтрин слишком хорошо его знает, чтобы ее можно было обмануть...

Конечно, ему следовало быть осмотрительнее и поразборчивее написать ювелиру адрес Эллен. Тогда приказчику не пришлось бы в голову отправить этот злосчастный браслет ему домой.

Впрочем, к чему досадовать на то, чего нельзя изменить? К тому же разве только в браслете дело? Он давно в западне, и этот не ко времени попавшийся на глаза Кэтрин браслет - только еще одно звено в тех цепях, которые с каждым днем опутывают его все крепче, не давая дышать, писать, жить, думать...

Мысли в голове Чарльза Диккенса теснились невеселые.

Если Эллен его разочарует, ему больше нечего будет ждать от жизни. И он уже не сможет этого пережить. Слишком часто в его жизни женщины разочаровывали его. Все, начиная с матери, от которой он тогда, в страшные месяцы работы на фабрике, тщетно ждал хоть одного участливого слова.

И заканчивая Кэтрин, которая теперь лелеет свои обиды, забыв о том, сколько долгих лет он надеялся, что рано или поздно она очнется от своей спячки, что жизнь их наладится, они станут не только супругами, но и друзьями, понимающими друг друга с полуслова...

Что взамен?

- Ты никуда не поедешь! Никуда! Я не позволю тебе унижаться! - Кейт стукнула кулачком по дверному косяку и, войдя в спальню матери, решительно закрыла за собой дверь. *- Эта гадкая женщина сама должна извиниться перед тобой! Слышишь?! Она должна валяться у тебя в ногах, моля не предавать огласке подлую алчность, которая заставляет ее выманывать подарки у собственного соблазнителя. Если хочешь, я сама пойду к отцу и выскажу ему все в лицо...*

Голос девушки звучал все громче... Но миссис Диккенс в ответ лишь успокаивающе погладила дочь по плечу и улыбнулась болезненной и жалкой улыбкой:

- *Не шуми, Кэт... Твой отец считает, что я должна извиниться перед мисс Тернан... Значит, мне нужно поехать.*

Завязав под подбородком ленты потертой шляпки, супруга мистера Диккенса мягко, но решительно отстранила все еще стоявшую у двери дочь. И увидев, как у той брызнули из глаз досадливые, злые слезы, ободряюще добавила:

- *Не надо плакать, детка... Я думаю, все обойдется.*

Лишь очутившись в спасительном полумраке экипажа, миссис Диккенс дала волю собственным слезам. Ее брак, ее жизнь, весь ее мир трещал по швам, и она решительно не знала, что ей делать.

...Отерев платком слезы, Кэтрин Диккенс горько вздохнула. Неужели этого никогда не было? Ни восторженного ожидания счастья, ни волнующего флирта, после которого она полночи не могла уснуть, ни их первого поцелуя, случившегося еще до помолвки, в полумраке передней, в углу между галошницей и подставкой для зонтов?...

Куда все это делось? И куда делась та Кэтрин Хогарт, с тонкими пальцами и шелковистыми кудрями, которой весной 1836 года, казалось, так искренне восхищался Чарлз?

Повернувшись к дверце экипажа, миссис Диккенс постаралась поймать в стекле свое отражение и кое-как на ощупь заправила под шляпку несколько выбившихся прядей. Потом достала из кармана плаща старенькое ручное зеркало и, бросив в него один быстрый взгляд, досадливо спрятала обратно. Что толку охорашиваться понапрасну...

Эллен Тернан едва исполнилось девятнадцать, и посмотришь Кэтрин хоть во все на свете зеркала, ей в свои сорок три все равно не сравниться с молоденькой красоткой. Фигура, когда-то привлекавшая плавностью форм, расплылась, грудь, выкормившая десять детей, опала, круглый с ямочкой подбородок отвис, как зоб у старой курицы...

Слезы снова подступили к горлу, а вместе с ними отчаяние и негодование, огнем жгущие душу Кейт. Да неужели же Чарлз не понимает, что она отдала ему и свою красоту, и саму жизнь?!

Двадцать лет она жила рядом неприметной тенью, рожала ему детей, терпеливо сносила его переменчивые настроения, непостоянство и вспыльчивость. И что получила взамен? Сафьяновый футляр, в котором, как свернувшаяся под пеньком гадюка, лежал этот отвратительный браслет, приготовленный ее мужем любовнице?

Хотя, пожалуй, браслет-то как раз замечательный, искусной работы, да и камни чистой воды. Ей Чарли никогда таких не дарил! Всю жизнь внушал, что следует экономить и жить по средствам, пенял, если она тратила на провизию больше, чем он рекомендовал, корил за расточительность и неумение вести хозяйство.

А теперь смеет утверждать, что столь дорогая вещь, предназначенная молоденькой актрисе и лишь по недосмотру приказчика из ювелирного магазина доставленная в их лондонский дом, не более чем дружеский подарок? Да еще посылает жену извиняться перед любовницей за ее якобы безосновательные и грязные подозрения!

Интересно, сможет ли ее супруг, гордившийся своим знанием Лондона, отыскать в этом городе еще хоть одну жену, способную вынести столько, сколько вынесла она за эти двадцать два года? Вечные претензии, которым она тщетно пыталась соответствовать, и вечные снисходительные улыбки в ответ: *«бедняжка Кэти», «глупышка Кэт»...*

Даже Джорджина с годами стала относиться к Кэтрин свысока, всячески подчеркивая, что та не стоит и мизинца своего знаменитого супруга. Джорджина была на девять лет моложе сестры и с юности жила в ее доме, который со временем незаметно прибрала к рукам.

Кэтрин, вечно обремененной очередным младенцем, частенько бывало не до домашних дел, и Чарлз утверждал, что только на свояченице и держится их беспокойное хозяйство. Что ж, возможно, так оно и было.

Но даже Кэтрин с ее простодушием, на которое так часто сетовал Чарлз, было ясно, что то благородное хозяйственное рвение, с которым Джорджи ведет чужой дом, - плод не только ее душевной щедрости. Достаточно взглянуть на ласкающие движения, которыми сестра развешивала в шкафу рубашки Чарлза, на мягкую поступь, когда она отправлялась в кабинет зятя, чтобы отнести ему чай, и сразу становится понятно, что Джорджиной движет нечто большее, чем чувство долга...

О ревности Кэти и не помышляла, слишком хорошо она знала Чарлза, его боязнь пересудов, его настойчивое стремление быть джентльменом во всем. Но разве мало того, что она все эти годы терпела неуместную, бестактную влюбленность сестры в своего мужа и его неумеренные восторги по поводу ее преданности?

Кэтрин со смирением сносила упреки, которыми муж год от года осыпал ее все чаще, предлагая ей поучиться у младшей сестры рачительности и педантичности. Терпела на заре их супружества обожание Чарлзом другой ее сестры - семнадцатилетней **Мери**. Прожив в доме зятя чуть больше года, та скоропостижно умерла от болезни сердца. И Чарльз купил землю подле могилы молоденькой свояченицы, чтобы после смерти быть похороненным рядом с ней. Кэтрин тогда промолчала...

Может, ей стоило хоть раз попытаться объяснить Чарли, что ее терпение и есть та опора в жизни, которую он так много лет искал? Да что уж теперь объяснять...

Если Чарлзу ее терпение больше не нужно, то и ей самой оно ни к чему.

Нет, она сейчас же вернется и не позволит больше помыкать собой. И Кейт решительно высунулась в окно, приказывая вознице остановиться. Она вернется домой и скажет Чарлзу все, что давно переполняло душу, заберет детей и уедет куда-нибудь. Все это вихрем пронеслось у нее в голове.

...И в тот же миг развеялось, как облака, унесенные за горизонт вихрем. Ничему этому не бывать. Кейт привыкла подчиняться Чарльзу, подлаживаться под него. К тому же она слишком устала. Этот последний год, прошедший в холодной вражде и взаимных упреках, вконец ее измотал.

И раньше, чем кучер успел осадить лошадь, Кейт упавшим голосом снова велела ехать...

По воле мужа она четверть часа сгорала от неловкости в тесной передней семейства Тернан, ожидая, когда мисс Эллен и ее матушка изволят ее принять. По его воле она, краснея и глядя в пол, лепетала перед надменно молчавшей девчонкой, годившейся ей в дочери, какие-то невразумительные и жалкие слова и выслушивала в ответ ее ядовито-вежливые комплименты: *«О, миссис Диккенс, какая честь... Наши наилучшие пожелания мистеру Диккенсу...»*

В погоне за счастьем

В это же самое время, Чарлз Диккенс, отправившийся на свою ежедневную традиционную прогулку, уже несколько минут стоял неподвижно на перекрестке. Потом, топнув ногой, что было силы сжал пальцами набалдашник трости.

Он никогда не отступал перед препятствиями и теперь не изменит себе. Он добьется этой девушки! Ей по силам излечить его от тоски, которая вот уже несколько лет гложет его сердце, от одиночества, которое с каждым годом становится все невыносимее.

Эллен не обманет его ожиданий, как обманули их мать, Мария и Кэтрин. Да, ему сорок шесть. Но ведь не девяносто! Он еще может быть счастливым. У него на руках девять детей, младшему из которых только шесть. Но дети растут. Дочери Кейти и Мэйми скоро выйдут замуж. Старшие мальчики разъедутся учиться. Он и сейчас почти богат. А между тем у него есть идея, которая, возможно, озолотит его.

Эта мысль родилась у Чарлза давно, еще во времена любительских спектаклей, и с тех пор не давала ему покоя. Что, если он станет единственным актером труппы и сам прочтет со сцены собственные произведения? Такого еще никто не делал! Он вынашивал эту идею не

один год. И только когда сама королева, прослышав о намерении Диккенса, высказала желание его послушать, Чарлз наконец решился.

Договорившись со старым другом **Артуром Смитом**, что тот станет его антрепренером, Диккенс подписал контракт на серию сольных выступлений в лондонском Сент-Мартинз-Холле. Если первые чтения пройдут успешно, он отправится в гастрольную поездку по провинциальным городам. А Эллен, если пожелает, вполне могла бы сопровождать его на правах помощницы и ассистентки.

У него еще все впереди! Нужно только выбраться из этого болота, в которое его затянула Кэтрин. Нужно порвать те нити, которыми, как паутиной, опутана его прежняя жизнь!

Чарлз мечтательно улыбался, и ветер трепал его длинную бороду, в которой уже начинала серебриться седина.

И грянул гром!

28 апреля 1858 года, вернувшись после репетиции предстоящей премьеры его сольного выступления в Сент-Мартинз-Холле, Чарлз Диккенс был поражен странной тишиной, царившей в его обычно таком шумном доме. Джорджи не покрикивала на кухарку, дочери не ссорились из-за разорванных нот. Даже мальчишек, вечно стучавших своими ботинками по лестнице, и тех не было слышно...

Но что еще страшнее, он не слышал так надоевшего назойливого, как ему всегда казалось, шарканья старых домашних туфель Кейти: супруга мистера Диккенса покинула их общий дом с намерением никогда туда более не возвращаться.

Сказать, что Чарльз был поражен, означало не сказать ничего. Он был оглушен, повержен. Решительно невозможно было поверить, что тихоня Кейт, не способная, как он думал, выбрать без посторонней помощи даже материю себе на платье, приняла решение первой.

Однако и это было еще не все! Кэтрин заявила, что не желает сохранять в тайне их разъезд и делать хорошую мину при плохой игре. Развод по тогдашним законам был невозможен, однако юридически оформить раздельное проживание супругов и их финансовые взаимоотношения было вполне реально. Именно этого она и потребовала.

Озадаченный и раздраженный Чарльз начисто забыл о том, как еще недавно сам мечтал о свободе, и категорически отказался следовать советам друзей, убеждавших его замять скандал по той простой причине, что все обстоятельства разъезда были против него.

Как ребенок, который бьет кулаком дверь, об которую сам же и ударился, он продолжал бушевать, сделав в результате разлад в собственной семье предметом ненавистных ему сплетен. В тщетном стремлении хотя бы отчасти излить свою досаду на Кейт, он даже опубликовал подробный отчет о собственных семейных проблемах на страницах возглавляемого им журнала «Домашнее чтение».

Но изменить что-либо было уже невозможно...

После кораблекрушения

Миссис Диккенс поселилась в небольшом доме на Глостер-кресент, неподалеку от Риджентс-парка, скромную жизнь в котором ей отныне обеспечивали шестьсот фунтов, которые Чарльз по решению суда выплачивал жене в качестве ежегодного содержания. Для соблюдения приличий, к которым так чувствительна была тогдашняя Англия, с матерью жил старший сын Чарлз.

Другие дети, в том числе и младшие, остались с отцом и вскоре переехали вместе с ним в Гэдсхилл-плейс. Их встречам с матерью Диккенс не препятствовал. Но дети, выросшие в доме, где все и всегда подчинялись отцу, сами на них не отваживались. Даже

бывая на уроках музыки в доме напротив, дочери никогда не заходили к Кейт. Но она, как обычно, молчала.

Со временем слухи вокруг скандала в семье Чарльза Диккенса улеглись, жизнь снова вошла в свою колею, а воспоминания о той, что двадцать лет была спутницей его жизни, как будто вовсе изгладились.

Дом писателя, в котором правили оставшаяся возле обожаемого зятя Джорджина Хогарт и старшая дочь Мэйми, вновь стал хлебосольным приютом для гостей, которые круглый год не покидали Гэдсхилл-плейс.

Сольные выступления Диккенса на сцене пользовались не меньшей, а возможно, даже большей популярностью, чем некогда его романы. Новая любовь разожгла в душе Чарльза огонь, совсем уж было начавший угасать, и этим новым пылом он теперь делился со зрителями так же щедро, как некогда с читателями.

Когда Диккенс исполнял в лицах сцену убийства Нэнси из «Оливера Твиста», мужчины в зале заливались слезами, а дамы падали в обморок. За последние десять лет жизни благодаря этим выступлениям и двум последним романам - «*Большие надежды*» и «*Наш общий друг*» - писатель удвоил свое состояние.

Эллен Тернан в конце концов уступила его ухаживаниям, оценив ту неусыпную заботу, которой Диккенс окружил ее саму, сестер и матушку, а также неустанно оказываемую щедрую финансовую помощь. Она милостиво, хотя и тайно, принимала писателя в доме, что он снял для нее на лондонской Линден-Гроув. Именно здесь Чарльз Диккенс начал писать свой последний роман, «*Тайна Эдвина Друды*», который так и не успел закончить...

И все же после ухода Кэт в доме Диккенса, да и в его душе навсегда осталась какая-то червоточина. Вопреки его надеждам свобода не вернула ему молодости. Он больше никогда уже не был тем искрометным, неутомимым весельчаком, который, купив в дешевой книжной лавчонке самоучитель фокусника, готов был часами разучивать описанные там забавы, чтобы потом сорвать аплодисменты малышни, достав из собственного цилиндра пышущий жаром ванильный пудинг.

Тень в одночасье надломившейся жизни легла и на детей Диккенса. Матушкина любимица Кейти-младшая, яростно защищавшая ее во время ссор с отцом, так и не оправилась после расставания родителей. Она поспешила покинуть Гэдсхилл-плейс и вышла замуж за первого же подвернувшегося жениха, с которым была несчастна.

Мэйми, боявшаяся, что без нее стареющий Диккенс будет чувствовать себя одиноким, так и осталась старой девой. Сыновья, за исключением Генри, тоже разочаровали отца, в особенности своей передавшейся через поколение склонностью к расточительности.

Как будто стремясь убедить себя в правоте собственных непоправимых шагов, Диккенс в последние годы одну за другой рвал нити, привязывавшие его к прошлому. Он безжалостно продал Тэвисток-хауз, в котором некогда так весело справляла рождественские праздники их большая и шумная семья.

А спустя два года после расставания с женой на поле неподалеку от Гэдсхилл-плейс он сжег всю свою переписку. Кейти же хранила письма мужа до конца жизни и перед смертью отдала их дочери с просьбой опубликовать. Последнее, чего хотела от жизни одинокая и всеми забытая жена знаменитого писателя, - это поделиться воспоминаниями о любви, которая, как она продолжала верить, некогда все же жила в их с Чарльзом доме.

Литература:

Его произведения:

1. Диккенс Ч. Собрание сочинений, тт. 1-30. - М., 1957-1963.
2. Диккенс Ч. Собрание сочинений, тт. 1-10. - М., 1957-1963.

3. Диккенс Ч. Посмертные записки Пиквикского клуба: Роман/Пер. с англ. А. В. Кривцовой и Е. Ланна; Послесловие Ю. Кагарлицкого; Примеч. Б. Кагарлицкого.- М.: Детская литература, 1988.- 718 с.: ил.

О нем:

1. **Буслаев Ф.** Мои воспоминания. - М, 1897. - Стр. 258-259.
2. **Варьяш А.** Чарльз Диккенс: Тяжелые времена/ Антонина Варьяш// Караван историй.- 2007.- №9.- Стр.278 - 299.
3. **Винтерих Дж.** Приключения знаменитых книг/ Джон Винтерих.- 2-е изд. - М.: Книга, 1979.-160 с.- Тираж 75000 экз.

Эта книга - один из своеобразных зарубежных опытов в популярном жанре занимательного книговедения. Джон Винтерих - американский журналист и библиограф - рассказывает о первом появлении и начале громкой судьбы прославленных книг Даниэля Дефо и Роберта Бернса, Диккенса и Теккерея, Бичер -Стоу и Марка Твена, Эдгара По и Уолта Уитмена...

Из классических английских и американских книг автор выбирает те, которые, на его взгляд, имели наиболее интересную издательскую историю. Дж. Винтерих не ставит своей целью дать характеристику творчества писателей или серьезный анализ самих произведений, так как большинство из них очень хорошо известны читателям. Автор рисует живыми штрихами обстановку и время создания этих книг, их место в истории книгоиздания; прием, оказанный им современниками при первом их появлении, библиофильские оценки первых изданий, историю их оформления и т. д.

4. **Катарский И. М.** Диккенс в России.- М.: Наука, 1966.- Стр. 271.
5. **Михальская Н. П.** Чарльз Диккенс: Книга для учащихся. - М.: Просвещение, 1987.- 128 с. - (Биография писателя). (Глава «Боз выходит на сцену и становится знаменитым».)
6. **Пирсон Х.** Диккенс, 1963. - 512 с. - (Серия «Жизнь замечательных людей»). (Глава «Неподрожжаемый Боз».)
7. **Сильман Т.** Диккенс. Очерки творчества. - Л., 1970.
8. Тайна Чарльза Диккенса: Библиографические разыскания. - М., 1990.
9. **Чарльз Диккенс:** Библиография русских переводов и критической литературы на русском языке, 1838-1960. - М., 1962.
10. **Честертон Г. К.** Чарльз Диккенс. - М.: Радуга, 1982. - 208 с.
11. **Честертон Г. К.** Чарльз Диккенс. - М.: Радуга, 2002. - (Сер. « Сквозь призму времени. Биографии»)
12. **Уилсон Э.** Мир Чарльза Диккенса. - М., 1975.
13. **Урнов Д.** Путь к русским читателям//Винтерих Джон. Приключения знаменитых книг.- 2-е изд.- М.: Книга, 1979.- Стр. 150-158.

Послесловие Д. Урнова освещает первые, шаги упомянутых Дж. Винтерихом английских и американских книг в России, начало знакомства с ними русского читателя.

